

© 2018 г.

М.Ю. АНИСИМОВ

ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ В СЕРЕДИНЕ XVIII века

Анисимов Максим Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

Эпоха правления императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) стала временем окончательного вхождения России в европейскую систему международных отношений в качестве одной из пяти великих держав, которые будут определять судьбу континента до начала XX в. Окончательно новая система международных отношений сложилась после Семилетней войны 1756–1763 гг. Особенностью ее появления стало отсутствие международного конгресса, закрепившего новое положение дел юридически, поэтому международную систему после 1763 г. можно назвать постутрехтской¹, пришедшей на смену Утрехтско-Ништадтской системе, родившейся на конгрессе в Утрехте в 1712–1713 гг. и ряда двусторонних соглашений в Стокгольме 1720 г., завершившихся русско-шведским Ништадтским конгрессом в 1721 г. Особенностью нестабильной Утрехтско-Ништадтской системы стало наличие у нее двух самостоятельных центров — в Восточной и Западной Европе, которые мало взаимодействовали между собой.

Кризис Утрехтско-Ништадтской системы, вызванный слиянием двух центров, двух подсистем международных отношений в единое международное политическое пространство, наглядно проявился в войне за Австрийское наследство 1740–1748 гг. и Семилетней войне 1756–1763 гг., двух общеевропейских конфликтов, активными участниками которых были державы и Востока, и Запада Европы, и имевших выраженные театры боевых действий в обоих регионах.

Российское правительство Елизаветы Петровны со второй половины 40-х годов XVIII в. стремилось играть одну из ведущих ролей в складывающемся европейском «концерте», в разной степени приняло участие в обеих этих войнах, и планировало решать свои задачи на международных конгрессах, завершавших эти войны. Однако если на Ахенский конгресс 1748 г. Россия не была допущена, то Аугсбургский конгресс, планировавший начать работу в конце Семилетней войны в 1761–1762 гг., не состоялся по причине неожиданного отказа России от участия в этой войне, и европейские государства предпочли заключение двусторонних мирных соглашений. Даже столь зримый рост влияния Российской империи, произошедший всего за десятилетие, оставался за рамками специальных работ, не говоря уже о целях и задачах российского правительства на мирных переговорах, завершавших общеевропейские конфликты. В новейшей статье историк Е. М. Собко тоже отметила необходимость специального изучения «вопросов, связанных с обсуждением проблемы участия России в мирном конгрессе в Ахене»². Неизвестными оставались не только инструкции, данные русскому представителю на Ахенский конгресс, но и инструкции русским представителям

¹ Анисимов М. Ю. Кризис Утрехтской системы международных отношений и елизаветинская Россия. — Новая и новейшая история, 2014, № 3, с. 123–140.

² Собко Е. М. Российско-французские отношения в период войны за Австрийское наследство. — Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки, 2017, № 3, с. 63.

на конгресс в Аугсбурге, показывающие истинные намерения правительства Елизаветы Петровны на мирных переговорах по итогам Семилетней войны, которую Россия планировала завершить в качестве первенствующей державы Европы. Выяснению нереализованных российских планов и целей на мирных конгрессах середины XVIII в. и посвящена данная работа.

В 1740 г. в Европе началась война за Австрийское наследство, в которой ряд государств оспорили право австрийской эрцгерцогини Марии Терезии, дочери скончавшегося императора Священной Римской империи Карла VI, наследовать родовые владения Габсбургов. Баварский курфюрст Карл Альбрехт выдвинул свою кандидатуру и на престол императоров, и на наследственные владения Габсбургов.

Возможностью сокрушить своего векового врага, Австрийскую монархию, воспользовалась и Франция, поддержав претензии баварского курфюрста, избранного императором в январе 1742 г. под именем Карла VII. Но куда более опасным врагом Вены стала Пруссия. Вступивший, как и Мария Терезия, в 1740 г. на престол 30-летний прусский король Фридрих II со своей армией, взлелеянной его отцом, вторгся в Силезию, наследственное владение Габсбургов и легко сокрушил прежде грозные австрийские армии.

В том же 1740 г. в России скончалась императрица Анна Иоанновна, и престол перешел к ее племяннику младенцу Иоанну Антоновичу. Россия с 1726 г. имела союзный договор с Австрией, но помощь Вене не оказала — как по причине борьбы за власть в Петербурге (в ноябре 1740 г. правитель-регент Э.И. Бирон был свергнут, и его место заняла мать Иоанна Антоновича — Анна Леопольдовна), так и из-за приближающейся войны со Швецией. Французская дипломатия, стремившаяся отвлечь Россию как австрийского союзника, предоставила шведам субсидии на военные цели, и летом 1741 г. началась русско-шведская война. Французы сыграли определенную роль и в свержении правительства Анны Леопольдовны — французский посол в Петербурге маркиз де Ла Шетарди был в курсе заговора цесаревны Елизаветы Петровны, закончившегося успехом 25 ноября 1741 г.

Новая императрица, победой завершив войну со Швецией в 1743 г., не торопилась признавать союзный договор с Веной 1726 г., утверждая, что его нужно перезаключить в связи с ее воцарением, но Мария Терезия не желала этого делать, так как именно по договору 1726 г. Россия гарантировала помощь австрийцам. К тому времени Фридрих II уже вышел из войны, подписав с Марией Терезией Бреславльский мир 1742 г., по которому Вена теряла права на Силезию, отходившую к Пруссии. Теперь австрийцам противостояли только французы и баварцы, и Вена начала успешно теснить их, заняв Мюнхен и переправившись за Рейн.

5(16) августа 1744 г. прусский король Фридрих II, невзирая на подписанный им мир с Австрией, вторгся в Богемию. Новая война Пруссии против австрийцев, по пути к которым Фридрих II прошел через Саксонию, не спрашивая согласия ее курфюрста, толкнула российского канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина к формулированию новой внешнеполитической системы, в центре которой стала необходимость остановить рост прусского могущества и влияния в Восточной Европе³.

Бестужев-Рюмин целый год безуспешно ждал, когда императрица Елизавета Петровна согласится с его аргументами и решит вернуться к союзу с Австрией, необходимому России для противодействия Османской империи, для контроля над Речью Посполитой, а теперь еще и для сдерживания Пруссии.

Только после того, как в августе 1745 г. Фридрих II объявил войну Саксонии, оказывавшей Австрии союзную помощь, Елизавета Петровна решилась. Саксония находилась в союзе с Россией, и этот договор с саксонским курфюрстом и польским королем Августом III был совсем недавно подписан самой Елизаветой Петровной. 3 октября 1745 г., после новых известий о победе Фридриха II над саксонско-австрийскими

³ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в середине XVIII в. М., 2012, с. 44–47.

силами, на придворном совещании российская императрица распорядилась готовить войска к дальнему походу⁴, приказав начать передвижение войск к западным границам страны.

Все же опасаясь войны с непобедимым доселе прусским королем, легко сокрушавшем и австрийцев, и саксонцев, в Петербурге решили сообщить Фридриху II о своем решении выступить против него в защиту Саксонии, надеясь на то, что он будет вынужден заключить устраивающий русских мир с Августом III. Прусский король все правильно понял, но имел еще достаточно времени, чтобы показать свою силу, зная, что ранее весны русские не выступят⁵. 4(15) декабря 1745 г. он разгромил саксонские войска в нескольких километрах от столицы курфюршества, и через три дня занял Дрезден. Саксония капитулировала, что вызвало в Петербурге новые конференции сановников и решения продолжать готовиться к походу на Пруссию.

Но эти решения были приняты уже тогда, когда война в Восточной Европе прекратилась. (14)25 декабря 1745 г. в Дрездене был подписан мир между Фридрихом II, Марией Терезией и Августом III. Саксония не потеряла ничего, пруссаки освобождали ее территорию, а австрийская государыня, в условиях давления на нее союзов Великобритании и Республики Соединенных провинций (Голландии), стремившихся направить все силы австрийцев на борьбу с французами, была вынуждена снова оставить в руках прусского короля всю Силезию в обмен на его согласие признать новым императором Священной Римской империи ее мужа Франца Стефана Лотарингского (император Карл VII к этому времени умер).

Затратив большие средства на подготовку военного похода, России больше не с кем было воевать. Но в Европе войну за Австрийское наследство продолжали Франция и Австрия. Последняя пользовалась поддержкой Англии и Голландии. Россия 22 мая (2 июня) 1746 г. заключила союзный оборонительный договор с Австрией, из которого была исключена ведущаяся на тот момент в Европе война. О Пруссии шла речь в Четвертом отдельном сепаратном артикуле, по которому в приграничных к прусским владениям территориях двух императриц (Богемии, Моравии, северных венгерских графствах, Лифляндии, Эстляндии и других землях) размещались в постоянной готовности как минимум по 30 тыс. солдат каждой с стороны, чтобы как можно быстрее оказать друг другу помощь в случае нападения Фридриха II на кого-либо из них⁶.

Вероятно, из-за противодействия своего официального заместителя и политического противника вице-канцлера графа М.И. Воронцова, постоянно указывавшего императрице на затратность ведения активной антипрусской внешней политики, канцлер Бестужев-Рюмин пришел к идее содержать находящиеся в боеготовности русские войска за чужой счет.

Еще в конце 1745 г. Бестужев-Рюмин предлагал англичанам предоставить 30-тысячный русский корпус в их распоряжение в обмен на выплату субсидии на его содержание⁷. В Лондоне решили, что справятся с французами и без русских, которые придут к Рейну слишком поздно — и ошиблись. Война в 1746 г. не закончилась. В ноябре

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. 74. Сношения России с Пруссией, оп. 1. 1745 г., д. 10, л. 4об.— 6.

⁵ Как писал сам Фридрих II в своей книге «Истории моего времени», среди причин, по которым Август III был вынужден подписать Дрезденский мир — польский король «не мог ждать до весны, когда русские начнут движение»: *Frédéric II. Histoire de mon temps. — Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse, t. II. Berlin, 1788, p. 325–326.*

⁶ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией. 1648–1762. СПб., 1874, с. 171.

⁷ В реальности в этом и последующих случаях русский корпус должен был составить 37 тыс. человек, так как 30 тыс., о которых говорили в Петербурге, состояли только из солдат, без офицеров.

этого года Лондон запросил у Петербурга отправки к Рейну 30-тысячного корпуса в обмен на английские деньги⁸.

В Петербурге сразу приняли положительное решение, начали готовить войска к походу, но тут в Лондоне опять передумали, предложив вместо отправки корпуса просто содержать его в постоянной боеготовности на западной границе России за 100 тыс. ф. ст. в год. По первому требованию английского короля Георга II (и за отдельную сумму) корпус мог быть двинут куда угодно. Вероятно, английское правительство снова решило, что поход русских к Рейну будет слишком дорог, они справятся с французами и без них, а русский корпус в Прибалтике будет хорошим стимулом для Фридриха II соблюдать мир с австрийцами и не мешать им воевать против французов.

Бестужева-Рюмина и Елизавету Петровну новое предложение полностью устраивало, и 12(23) июня 1747 г. первая русско-английская субсидная конвенция⁹ была подписана сроком на год (считая с начала года). Однако через пару недель обстановка в Австрийских Нидерландах серьезно изменилась в пользу французов. 2 июля 1747 г. французская армия маршала графа Морица Саксонского разгромила англо-голландско-австрийскую армию в сражении у Лауфельда близ Маастрихта и открыла себе дорогу для вторжения в Голландию.

Голландцы, узнав о соглашении англичан и русских, тут же обратились к англичанам с просьбой разрешить им взять на себя половину суммы за «аренду» русского корпуса, который теперь был бы двинут на защиту республики. Лондон отказался, предложив совместно с голландцами обратиться к русским с просьбой заключить совместную субсидную конвенцию об отправке к берегам Рейна нового русского корпуса в 30 тыс. солдат.

19 ноября 1747 г. конвенция об отправке 30-тысячного корпуса в Германию на помощь англичанам и голландцам в обмен на 300 тыс. ф. ст. в год была подписана.

В 14-й статье этой конвенции впервые прозвучали планы российского правительства участвовать в подписании мирного конгресса, который должен был завершить общеевропейскую войну: «хотя ее императорское всероссийское величество и не принимает прямого участия в настоящей европейской войне, тем не менее, существенно заинтересована ее окончанием, посылает значительный корпус своих войск. Ввиду сего морские державы не преминут озаботиться, чтобы ради ускорения мира российский императорский министр был непременно приглашен и допущен на предстоящий конгресс наравне с министрами прочих участвующих в оном держав»¹⁰.

Первое упоминание о желании российского двора быть равными давно воюющим в Европе сторонам достаточно робко и туманно: Англия и Голландия «не преминут озаботиться», что ничем не обязывало добиваться непременного участия в мирном конгрессе российского представителя. Впрочем, и сам характер российского участия не давал особого повода к настойчивости — Россия, по сути, продавала свои войска участникам войны, прямо в ней не участвуя.

Идея участия в общеевропейском конгрессе, судя по донесению английского посла в Петербурге Джона Кармайкла, графа Гиндфорда, понравилась российским властям. Посол сообщил, что при продлении на 1748 г. субсидной конвенции о «наблюдательном» корпусе в Прибалтике русские хотят внести в него ранее отсутствующую статью о «допущении ее (императрицы. — М. А.) министров к участию во всех

⁸ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. — Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО), т. 103. СПб., 1897, с. 120—121.

⁹ Субсидные конвенции — особый вид союзного договора, предусматривающий, что одна из договаривающихся сторон предоставляет войска, а другая берет на себя их содержание (Дипломатический словарь. М., 1948).

¹⁰ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 9 (10). Трактаты с Англией. 1710—1801. СПб., 1892, с. 163.

будущих конгрессах»¹¹. Это требование, как и ряд других, граф Гиндфорд относил к «чрезмерным». 9 декабря 1747 г. Гиндфорд подписал конвенцию о продлении на год службы русского наблюдательного корпуса в Прибалтике. Попытки британца настоять на корректировке «чрезмерных» условий русского двора результата не принесли, и он был вынужден подписать договор на русских условиях¹², по-прежнему считая, что сам факт боеготовности русского корпуса для службы в английских интересах важнее для Лондона.

Текст новой конвенции на 1748 г. разительно отличался от предшествующей русско-английской конвенции о содержании того же корпуса на 1747 г. — вместо прежних трех статей он имел уже восемь обычных статей и одну секретную. Причиной этого стало как взаимное желание Петербурга и Лондона обговорить случай выхода корпуса из российских пределов, так и проявившиеся притязания Петербурга на более значимую роль в европейских делах.

По 7-й статье конвенции «его британское величество обязуется не входить ни в какие переговоры о мире или перемирии без соглашения о сем с ее величеством императрицей всероссийской, и тем более не постановлять ничего, относящегося до мира, без предварительного приглашения на конференции по сему предмету одного или нескольких императорских российских министров, и не принимать без оного или оных никакого мирного предложения, исходящего от неприятеля, а действовать совместно с ним или с ними, чтоб е.в. императрица всероссийская имела участие в сем мире: иначе его британское величество обязуется не давать своего согласия на мир, дабы е.в. императрица всероссийская, в действительности не принимая прямого участия в войне, но столь сильно содействуя восстановлению мира, не подверглась бы за оказываемую с ее стороны помощь какому-либо ущербу или затруднению»¹³.

Столь подробное изложение обязанностей Георга II не подписывать мир с противником без согласия Елизаветы Петровны и не начинать переговоры о нем без участия русских представителей заметно расходилось с текстом предшествующей конвенции от 19 ноября об отправке такого же корпуса на Рейн. Помимо того, что пункт о допущении русского представителя на мирный конгресс ранее не был выделен в отдельную статью, по условиям предыдущей конвенции англичане и голландцы должны были просто «озаботиться» приглашением на конгресс российского представителя¹⁴. Теперь же английский посол в Петербурге подписал строки о том, что Россия, отправляя корпус за английские деньги и по английскому же требованию, становится равноправной стороной в войне.

Можно признать, что конвенция 9 декабря 1747 г. стала вершиной дипломатического успеха Бестужева-Рюмина, полностью реализуя его идею, к которой он будет неоднократно возвращаться и после — идею воевать для выполнения русских целей «не принимая прямого участия в войне», за английские деньги под видом помощи, с полноправным включением России в число участников войны только на мирном конгрессе по итогам этой войны.

Для фактической реализации конвенции была необходима только одна существенная деталь — нападение прусского короля Фридриха II на Ганновер или на австрийские владения. Стороны, заключавшие конвенцию, прекрасно это понимали, следствием чего и стала секретная статья, приложенная к договору. В ней ради

¹¹ Донесения и другие бумаги английских послов... — СИРИО, т. 103, с. 465.

¹² По словам графа Гиндфорда в донесении от 10 декабря, он подписал конвенцию с русским двором «на условиях, продиктованных этим двором, который, вместо того, чтобы вести переговоры честно, навязал нам свой ультиматум». Гиндфорд далее поясняет, что в случае отказа от принятия русских требований, Елизавета Петровна, по словам канцлера, собиралась разорвать все переговоры: Донесения и другие бумаги английских послов... — СИРИО, т. 103, с. 474–475.

¹³ Собрание трактатов и конвенций..., т. 9 (10). Трактаты с Англией. 1710–1801, с. 170.

¹⁴ Там же, с. 163.

избежания каких-либо недоразумений разъяснялась 4-я статья конвенции о «соседней державе», могущей напасть на владения Георга II или Марии Терезии, против которой должен был выступить русский корпус — речь шла о том, что он выступит «только против е.в. короля прусского», который под любым предлогом вторгся бы во владения союзных России государей. В этом случае русский корпус и галеры должны были атаковать «Королевско-Прусские области», как тогда называлась Восточная Пруссия, и не были обязаны выступать против любой другой страны¹⁵.

Другой, экспедиционный корпус, отправленный в соответствии с предыдущей субсидной конвенцией, англо-голландско-русской, в конце января 1748 г. двинулся на запад и вошел в пределы Речи Посполитой, взяв направление к австрийским границам.

2 февраля 1748 г. английский госсекретарь Северного департамента Филип Дормер Стенхоуп, граф Честерфилд отправил графу Гиндфорду королевскую ратификацию субсидной конвенции о наблюдательном корпусе на 1748 г. По словам госсекретаря, король согласился принять все условия русского двора, но не будет ратифицировать секретную статью, в которой целью действий русского корпуса указывался Фридрих II. Георг II не хотел ограничивать применение корпуса, нанятого им для своих целей, в связи с тем, что у него есть и другие враги. 7-я статья, по которой он обязывался не начинать переговоров без участия в них представителей Елизаветы Петровны, Георгом II была ратифицирована, так как была частью конвенции, но он считал, что это требование, во-первых, неразумное, и во-вторых, невыполнимое, так как для пересылки с Россией по каждому аспекту переговоров о мире необходимо столь много времени, что заключение мира может чрезвычайно затянуться. Поэтому Георг II считал себя принявшим обязательство только «поддерживать допущение одного или нескольких министров» Елизаветы Петровны на переговоры и «употребить все свои старания на присоединение этой государыни, если она по-прежнему будет желать этого, к общему миру»¹⁶.

В Лондоне госсекретарь лорд Честерфилд в начале марта 1748 г. был не столь дипломатичен и сказал русскому посланнику графу П.Г. Чернышеву, что статье об обязательстве Георга II не вступать ни в какие мирные соглашения с противником без ведома Елизаветы Петровны вообще не надлежало быть внесенной в договор, так как Россия принимает участие в войне «посторонним образом»¹⁷.

Пришедшее в Россию известие об отказе англичан от ратификации секретной статьи и нежелание Георга II привлечь Россию к заключению общего мира вызвало негодование русских министров. Проект рескрипта от 5 марта 1748 г. российскому посланнику в Лондоне Чернышеву и послу в Гааге графу А.Г. Головкину сообщал о приказе экспедиционному русскому корпусу вернуться обратно из-за того, что английский король не хочет согласиться на допуск русского представителя на мирные переговоры. Лорд Гиндфорд, получив проект рескрипта от канцлера Бестужева-Рюмина, высказал мнение, что угрозы в рескрипте в Гаагу и Лондон могут привести к разрыву отношений между Россией и морскими державами. Бестужев-Рюмин согласился убрать этот абзац из рескрипта, и он был отправлен без этих угроз¹⁸, как сообщил в Лондон сам граф Гиндфорд.

Упомянутый рескрипт от 5 марта сообщал, что, хотя в предыдущем рескрипте и содержалась угроза отзыва корпуса обратно, но она рассматривалась как самый крайний случай¹⁹.

До того, как происходил этот разговор Бестужева-Рюмина и Гиндфорда, новый госсекретарь Северного департамента Томас Пелем-Холлс, герцог Ньюкасл,

¹⁵ Там же, с. 172.

¹⁶ Донесения и другие бумаги английских послов... — СИРИО, т. 103, с. 540.

¹⁷ АВПРИ, ф. 35. Сношения России с Англией, оп. 35/1. 1748 г., д. 722, л. 50об. — 51.

¹⁸ Донесения и другие бумаги английских послов... — СИРИО, т. 103, с. 562–565.

¹⁹ АВПРИ, ф. 35. Сношения России с Англией, оп. 35/1. 1748 г., д. 720, л. 35.

16 февраля 1748 г. сообщил послу Гиндфорду, что король отправил английскому послу в Гааге распоряжение условиться с голландцами и австрийцами о допущении на мирные переговоры, намеченные в Ахене, русского представителя²⁰.

Не будучи приглашённым на переговоры, начавшиеся в Ахене 17 марта 1748 г.²¹, русский двор, тем не менее, пытался оказать давление на них, резко протестуя против планов англичан пригласить для подписания мира и прусских представителей.

11 июня посланнику Чернышеву в Лондон был отправлен новый рескрипт, в котором русский двор впервые допустил возможность своего отсутствия в числе подписантов европейского мира. Признавая свое желание принять участие в конгрессе, официальный Петербург писал: «но ежели по обстоятельствам иногда и по нашему ли собственному благоизобретению или же инако каким бы образом то случится, что министр наш на помянутом Акенском конгрессе присутствовать не будет», то Россия удовлетворится внесением своего упоминания в мирный трактат, чтобы избежать мщения врагов своих союзников²². Окончательный текст мира еще необходимо было согласовать, и именно на этом этапе российское правительство желало бы вступить в переговоры в Ахене.

28 июня 1748 г. Елизавета Петровна подписала полномочия российскому представителю на Ахенском конгрессе графу А.Г. Головкину, занимавшего пост российского посла в голландской Гааге. В полномочиях говорилось, что «для восстановления желаемого мира и тишины в Европе» российская императрица решила отправить на конгресс своего полномочного министра, и выбрала для этой цели Головкина, который имел полномочия представлять свою государыню и подписывать за нее договоры, как «мы сами ежели бы при том были», сообщалось от имени императрицы²³.

Послу отправлялась и инструкция для действий на Ахенском конгрессе, утвержденная 30 июня 1748 г. Головкин извещался, что он выбран российским представителем в надежде на его «искусство, такжеже верность и ревность». Ему пересылались два вида верительных грамот, и сам дипломат должен был выбрать себе соответствующую. Если все участники конгресса будут иметь полномочия министров, то Головкину надлежало использовать первую грамоту. Если же все, или хотя бы некоторые иностранные представители, «особливо же римско-императорские и королевско-венгеро-богемские министры в посольском характере себя предьявят», то и Головкин должен был предьявить верительные грамоты посольского ранга.

Ориентироваться на представителей германского императора и австрийской государыни Марии Терезии Головкин должен был и в вопросах церемониала — ему следовало поступать таким же образом, как венские дипломаты: «дабы во всем против оных и равномерно с ними поступать и ничего не уронить», что касается чести и достоинства российской государыни²⁴. Аналогично венским дипломатам Головкину предписывалось совершать визиты и контрвизиты к своим коллегам на конгрессе.

Предварительные условия прекращения войны между Францией, Англией и Голландией уже были подготовлены на переговорах в голландской Бреде, начавшихся 4 октября 1746 г. и продолжавшихся время от времени до лета 1747 г. В связи с этим в Петербурге ожидали, что к этим условиям, несмотря на их тяжесть для австрийцев (официальный отказ от Силезии), присоединятся венский, а также сардинский и испанский дворы (которых на переговоры в Бреде их союзники не приглашали)²⁵. В таком случае в Ахене будет обсуждаться главный, общий мирный договор, и Головкину следовало сделать все, чтобы быть допущенным к переговорам о нем.

²⁰ Донесения и другие бумаги английских послов... — СИРИО, т. 103, с. 551.

²¹ *Anderson M.S. The War of the Austrian Succession. London — New York, 1995, p. 202.*

²² АВПРИ, ф. 35. Сношения России с Англией, оп. 35/1. 1748 г., д. 720, л. 68—68об.

²³ Там же, ф. 50. Сношения России с Голландией, оп. 50/1. 1748 г., д. 5, л. 1—2.

²⁴ Там же, л. 4.

²⁵ *Anderson M.S. Op. cit., p. 195.*

В случае каких-либо затруднений в деле участия русского дипломата в итоговых переговорах Головкин мог рассчитывать на помощь союзных императорского (представителя Франца I) и венгеро-богемского (представителя Марии Терезии) послов, а также голландского и английского дипломатов — последние обязывались это делать по упоминавшейся выше 14-й статье субсидной конвенции²⁶.

Можно отметить, что надежда на австрийцев не могла оправдаться, так как Англия и Франция, более сильные державы, даже не приглашали их на переговоры в Бреде и вообще просто ставили Вену перед фактом их взаимных решений, и Мария Терезия не имела возможностей настоять даже на собственных интересах²⁷, не говоря уже о возможной защите интересов Елизаветы Петровны.

В вопросах церемониала Головкин должен был ориентироваться на всё тех же представителей венского императорского двора, «ибо хотя её императорского величество излишнего в церемониале ничего и весьма не требует, однако ж прецеденцию²⁸, кроме римско-императорского двора, никому иному из коронованных глав дать не может»²⁹.

Следующие пункты инструкции А.Г. Головкину уже напрямую относились к целям российского участия в Ахенском конгрессе. В Петербурге знали, что прелиминарный договор французов и их противников никак не касается России, и считали, что и главный мирный договор, вырабатываемый на конгрессе, вряд ли будет «прямо касаться» Елизаветы Петровны и России, потому Головкину нужно было просто помогать союзникам — австрийцам, англичанам и голландцам заключить мир на выгодных им условиях, «как для равновесия в Европе, так и для приемлемых с оными во всяком случае общих мер»³⁰.

Главной задачей, «главнейшим делом», для Елизаветы Петровны на Ахенском конгрессе было добиться того, чтобы российская императрица «имянно включена была» в главный мирный договор, т.е., чтобы о ней было упомянуто в тексте. Головкину поясняли, что Елизавета Петровна этого заслуживает, так как она активно помогала в войне своим союзникам и отправила им на помощь корпус русских войск. Если российская императрица не будет внесена в текст договора, то французы, раздраженные русской помощью своим врагам, могут захотеть как-то отомстить России после того, как ее союзники подпишут с ними мир. По этой причине, утверждали авторы инструкции, Россия и должна быть внесена в текст мирного договора вместе со словами о том, что воюющие стороны предадут забвению ее участие в войне на стороне антифранцузской коалиции. В реализации этих планов Головкину должны были оказать содействие представители союзных России стран³¹.

Дальнейшие пункты инструкции касались протокольных вопросов, которые ожидалось в случае участия российского представителя в мирном конгрессе, в том числе Головкину следовало внимательно следить за титулованием Елизаветы Петровны иностранными дипломатами. Послу напоминалось, что все значимые государства Европы признали императорский титул русской государыни, исключая Испанию, Португалию и Сардинию, при этом двое последних не имели никаких контактов с Россией, а из-за позиции Испании они прервались. На Ахенском конгрессе не ожидалась только Португалия, и Головкину поручалось следить, чтобы те, кто уже признал

²⁶ Собрание трактатов и конвенций..., т. 9 (10). Трактаты с Англией. 1710–1801, с. 163.

²⁷ На переговорах в Ахене австрийский представитель граф Кауниц даже выражал протест англичанам за нарушение их обязательства не проводить сепаратные переговоры с противником: *Browning R. The War of the Austrian Succession. New York, 1993, p. 351.*

²⁸ От фр. *précédence* — предшествование, приоритет, старшинство. Первенствующее место дипломата в соответствии с дипломатическим протоколом на различных официальных приемах и т.п.

²⁹ АВПРИ, ф. 50. Сношения России с Голландией, оп. 50/1. 1748 г., д. 5, л. 5.

³⁰ Там же, л. 6.

³¹ Там же, л. 7–7об.

императорский титул российской монархии, «на словах и на письме» упоминали его. Кроме того, с помощью союзников российский посол должен был сделать все возможное, чтобы титул признали и Сардиния с Испанией. Добиваться признания титула следовало с осторожностью, чтобы не уронить достоинства Елизаветы Петровны и не затормозить своими представлениями хода конгресса. Для этого Головкину нужно было заранее узнать позицию сардинцев и испанцев по этому вопросу, чтобы те не выдвигали к России каких-либо ответных требований. В Петербурге считали, что проблем с признанием императорского титула со стороны Сардинии не будет, так как его уже признали «главнейшие державы», и возможное противодействие российскому намерению может оказать только Испания.

В отношении иностранных представителей на конгрессе Головкину напоминалось, что он должен быть в дружественных отношениях с представителями германского императора и австрийской государыни, а также Англии и Голландии, но особенно с первыми российский посол должен был быть в лучших отношениях. У союзников Головкин мог требовать совета и помощи, а также помогать им в меру своих возможностей в тех вопросах, которые не противоречили российским интересам.

С послами противоборствующей стороны — Франции, Испании и Пруссии (если представитель Фридриха II будет на конгрессе) Головкину следовало «хотя дружеское, однако ж политическое обхождение с надлежащей осторожностью иметь»³². Если в Ахене будет присутствовать посол саксонско-польского двора, то с ним Головкину следовало общаться как с дружественным и союзным дипломатом. С представителями остальных стран ему разрешалось на его усмотрение получать от них помощь и помогать им самому, поддерживая дружеские отношения с каждым из них.

Всем иностранным дипломатам Головкину нужно было говорить, что Елизавета Петровна желает быть со всеми странами в мире, как с соседними, так и с отдаленными.

В целом посол должен был наблюдать «наикрепчайше», чтобы на конгрессе не было ничего противоречащего российским интересам, и сразу же вместе с союзниками прилагать все усилия против этого. Если же на конгрессе будут обсуждаться какие-либо дела, касающиеся России и не отраженные в инструкции, то Головкину следовало доложить о них в Петербург и дожидаться распоряжений императрицы³³.

Инструкция свидетельствует, что главной задачей российской дипломатии на Ахенском конгрессе было простое участие в нем, вхождение, пусть и вторым рядом, в число держав, решающих судьбы континента. Если бы этой цели удалось бы добиться, то на самом конгрессе послу Головкину поручалось уговорить тех, кто еще не признал императорский титул Елизаветы Петровны, сделать это. Признание императорского титула в это время было одной из главных задач российской дипломатии в Европе — три года назад удалось, хоть и с большим трудом, добиться признания титула французским королем, правителем последней из европейских великих держав, не признававших его. На самом конгрессе Головкин должен был отстаивать интересы союзников — англичан, австрийцев и голландцев. Эти действия находились в русле идей бестужевской внешнеполитической «Системы Петра Великого», сутью которой было участие России в союзных отношениях с определенными странами. На Ахенском конгрессе Головкин должен был продемонстрировать готовность своей страны исполнять союзные обязательства, что должно было сослужить России службу в дальнейшем.

Опасения того, что российскому представителю могут отказать в участии в конгрессе в Ахене, не были беспочвенными. 22 апреля 1748 г. посланник в Лондоне Чернышев сообщил в Петербург о своем разговоре с герцогом Ньюкаслем, который передал ему слова английского представителя на переговорах Джона Монтегю, графа Сэндвича, что он поставил перед французами вопрос о приглашении на переговоры русского дипломата. Французский дипломат Альфонс Мари Луи, граф де Сен-Северен

³² Там же, л. 11об.

³³ Там же, л. 13об.

д'Арагон ответил, что у него нет инструкций по этому поводу, он запросит их у Версаля, но думает, что России откажут в таком праве, так как русские «в войну ни за кого директного (прямого. — М.А.) участия в ней не приняли»³⁴.

11 июля 1748 г., проследовав с королем и герцогом Ньюкаслем в Ганновер, Чернышев снова говорил с госсекретарем, сообщив ему о желании своей императрицы, в случае, если русский представитель не будет допущен за стол переговоров, быть внесенной союзниками в текст трактата. Герцог Ньюкасл сказал, что он сделал для этого все возможное, но, по сообщению лорда Сэндвича, французы в этом отказали, так как на конгрессе должны быть только те, кто воевал напрямую. Сэндвич спросил графа де Сен-Северена, как тогда быть с прусским представителем, ожидая положительного ответа, чтобы настоять на участии и русского посла. Однако француз ответил, что и прусскому дипломату в Ахене нечего делать, появление дипломатов третьих стран только затянет мир, и они с Сэндвичем пришли к общему решению не приглашать ни русских, ни пруссаков, и не менять ничего из условий прелиминарного мира. Герцог Ньюкасл сказал Чернышеву, что Англии нужен немедленный мир, а в его условиях есть гарантия прусского владения Силезией, разве Россия, до сих пор отказывавшаяся ее признавать, согласится подписывать такое соглашение? Сама гарантия, по словам госсекретаря, появилась в тексте мира для получения признания Фридрихом II Прагматической санкции и избрания императором Франца I.

12 июля, вместе с донесением Чернышева об этом разговоре с Ньюкаслем, сам герцог переслал графу Гиндфорду свои объяснения отказа русским просьбам. По его словам, граф Сэндвич предложил допустить на конгресс российского посла, но против этого резко выступил французский представитель. Он заявил, что в таком случае Франция пригласит за стол и своих союзников — Пруссию, Швецию, курфюрста Пфальцского и других. Если же англичане снимут требования приглашения России, то и Франция откажется от приглашения других стран и не допустит в текст итогового мира ничего, не согласованного в прелиминариях воюющих ныне держав. В этот момент в Ганновер прибыла нота, составленная Бестужевым-Рюминым, в которой английские министры прочли объявление Елизаветы Петровны, что в случае приглашения в Ахен представителей Пруссии она отказывается участвовать в конгрессе. Это стало очень удобной причиной отказать России в приглашении на конгресс — если будет участвовать Россия, то Франция позовет Пруссию, а если будет присутствовать Пруссия, то Россия откажется — следовательно, не нужно приглашать никого из них. Кроме того, в тексте договора точно будет подтверждено владение Фридрихом II Силезии, и тогда договор распространится на всех его подписантов, что, учитывая нежелание Елизаветы Петровны гарантировать Силезию пруссакам, заставило бы ее это сделать³⁵.

27 июля 1748 г. английский посол в Петербурге граф Гиндфорд на конференции с русским канцлером и его секретарем, ведущим протокол, сообщил о причинах не приглашать на конгресс в Ахене представителей Елизаветы Петровны. Бестужев-Рюмин, судя по отчету Гиндфорда в Лондон, не возражал на его слова, но, «ради соблюдения формы, канцлер прибавил в протокол, что морские державы не выполнили своих обязательств, так как императрица не была допущена к участию в конгрессе и в окончательном договоре»³⁶.

На следующий день, 28 июля, Чернышеву в Лондон был отправлен рескрипт, в котором «с неудовольствием» признавалось, что ни в первом (быть допущенными на конгресс), ни во втором российском желании (о включении в текст упоминания о России) «успеха иметь не можно было». Россия приняла в войне «хотя и постороннее, однако ж немалое участие», потому на свои претензии «некоторое право иметь могла

³⁴ АВПРИ, ф. 35. Сношения России с Англией, оп. 35/1. 1748 г., д. 722, л. 223об.— 225.

³⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 мая 1748 г. по 9 февраля 1750 г. — СИРИО, т. 110. СПб., 1901, с. 39—40.

³⁶ Там же, с. 54.

бы», но, если было решено включать только воюющие государства, то придется с этим смириться, хотя требование о включении России в текст мирного трактата было легко выполнимым, учитывая, что в текст договора включена вышедшая из войны Пруссия, которой гарантируется Силезия. Но, раз договор уже заключен, Чернышеву предписывалось по поводу конгресса более «напрасных домогательств не употреблять»³⁷.

Попытка России принять участие в европейском конгрессе закончилась неудачей. Причинами этого стало не столько игнорирование англичанами русских намерений, сколько политика самого русского двора — нежелание участвовать в конгрессе вместе с Пруссией, чем англичане воспользовались в качестве оправдания отказа допустить русского представителя на конгресс. Настоять на допуске русского дипломата на конгресс англичане вряд ли могли — переписка английского посольства с госсекретарями в Лондоне в течение переговоров в Ахене свидетельствует о том, что из-за успехов французского маршала графа Морица Саксонского во Фландрии и прямой угрозе Голландии англичане считали свои позиции на конгрессе слабыми³⁸ и стремились остановить французское наступление как можно быстрее, так как русский корпус был еще далеко.

Английский историк Мэтью Андерсон писал, что в самом Версале тоже стремились быстрее завершить войну, чрезвычайно разорительную для Франции, не столь экономически успешной державы, как Великобритания, тем более в условиях английской морской блокады французских портов. По мнению голландского представителя на переговорах, именно финансовые трудности привели французов за стол мирных переговоров, и М.С. Андерсон резюмировал, что благодаря этому военные успехи французов во Фландрии не были использованы Версалем в полной мере³⁹. Американский историк Рид Браунинг также согласен с тем, что экономические проблемы Франции повлияли на желание Версаля подписать мир⁴⁰.

М.С. Андерсон заключил, что «великодушные» Людовика XV, т.е. готовность отказаться от успехов Морица Саксонского и оставить занятые территории в Нидерландах, было ошибкой⁴¹. Аналогично считали и многие современники Ахенского мира, удивляясь готовности Франции уступить столь серьезно в условиях военных успехов. Андерсон пишет, что «Франция теперь желала, даже беспокоилась, чтобы заключить мир»⁴², следовательно, причиной такого настроения в Версале было вовсе не великодушные, а какие-то опасения возможного развития событий. При этом нужно вспомнить о фактическом переходе России на сторону англичан и отправку русского корпуса на Рейн, о влиянии которого на решение французов Андерсон не сообщает, хотя английский посол в Петербурге граф Гиндфорд доносил в Лондон 17 февраля 1747 г. о том, что он видел перехваченную русскими переписку французских дипломатов и, по его словам, «я имею некоторые доказательства того, что французский двор и его союзники ничего так не боятся, как похода корпуса русских войск, и что как скоро этот корпус переступил бы границы своей страны и получил бы приказ выступить в поход на Рейн или Мозель, Франция тотчас заговорила бы иным языком»⁴³.

Историк Р. Браунинг отмечает, что именно «грохот мобилизации с востока» заставил Версаль торопиться с заключением мира, так как «его континентальное преимущество могло бы быть сокрушено прибытием русских войск». «Угроза их вторжения в Западную Европу была сильным побуждением для Франции, чтобы стремиться к соглашению», а сам русский корпус был «единственным оружием союзников

³⁷ АВПРИ, ф. 35. Сношения России с Англией, оп. 35/1. 1748 г., д. 720, л. 82–85.

³⁸ Донесения и другие бумаги английских послов... — СИРИО, т. 103, с. 606–607; там же, т. 110, с. 1–2.

³⁹ *Anderson M.S. Op. cit.*, p. 199.

⁴⁰ *Browning R. Op. cit.*, p. 328.

⁴¹ *Anderson M.S. Op. cit.*, p. 208.

⁴² *Ibid.*, p. 209.

⁴³ Донесения и другие бумаги английских послов... — СИРИО, т. 103, с. 213.

у головы Людовика XV»⁴⁴. Точки зрения, что французы пошли на подписание мира из-за опасения столкновения с русскими, придерживается и современный чешский историк Франтишек Штеллернер⁴⁵.

Ахенский мир 1748 г., подписанный 18 октября н.ст. между Англией и Францией, как и ранее заключенный Дрезденский мир 1745 г. между Австрией и Пруссией не удовлетворил их подписантов, так как не разрешил противоречия между Лондоном и Парижем в колониях и между Веной и Берлином из-за Силезии и из-за борьбы за влияние в Священной Римской империи в целом. Война не выявила победителя. Кроме того, обстоятельства и условия заключения Ахенского мира привели к тому, что отношения Австрии, присоединившейся к миру уже после его подписания, с союзной ей Англией серьезно ухудшились.

Через несколько лет новая перегруппировка сил привела к двум союзам, состоявшим из бывших врагов — Англии и Пруссии, с одной стороны, и Австрии и Франции — с другой. Россия, настроенная антипруссски с 1745 г., приняла сторону врагов Фридриха II — австро-французского блока.

Война, начавшаяся в августе 1756 г. вторжением Фридриха II в Саксонию, стала известна как Семилетняя война. Для России война против Пруссии была закономерным итогом всей её внешней политики последних 10 лет. При подготовке к ней в Петербурге снова, как во второй половине 40-х годов, решили добиться своих целей за чужой счет, под чужим именем и в качестве вспомогательной силы — официально было объявлено, что Россия вмешивается в войну ради помощи своим союзникам — Саксонии и Австрии, а не ради разгрома опасного конкурента в Восточной Европе. 22 января 1757 г. Вена и Петербург заключили конвенцию, по которой австрийцы выплачивали русским 1 млн рублей в каждый год ее войны против Пруссии. Такая практика, к слову, была в то время обычной — даже сама Вена во время войны за Австрийское наследство получала субсидии от англичан для ведения войны. В новой войне русская армия за австрийские деньги должна была играть вспомогательную роль, отвлекая силы Фридриха II в Восточной Пруссии, а главная тяжесть борьбы с Пруссией ложилась на плечи австрийцев.

При этом еще весной 1756 г., за несколько месяцев до начала войны, сановники Елизаветы Петровны на секретных заседаниях определили цели участия России в войне против Пруссии: «ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным; венский двор возвращением ему Силезии усилить, сделать союз его противу турок больше важным и действительным; одолжа Польшу доставлением ей Королевской Пруссии (Восточной Пруссии. — *М.А.*), во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны такое границ окружение, которым бы не токмо нынешние беспрестанные хлопоты и беспокойства пресеклись, но может быть и способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»⁴⁶.

Казалось, Бестужев-Рюмин, автор идеи добиться целей за чужой счет и с минимальными тяготами, снова перехитрил всех, но Фридрих II показал себя опасным противником, способным выдержать многолетнюю борьбу с тремя европейскими великими державами, значительно превосходившими его по людским и материальным ресурсам. События на полях сражений быстро превратили русскую армию, которую Фридрих II, как не старался, не смог ни разу заставить бежать с поля боя, в главную надежду антипрусской коалиции. Несмотря на то, что Фридрих II каждый год успешно боролся с численно превосходящими его силы армиями союзников, атакуя их поочередно, его ресурсы таяли.

В январе 1758 г. русская армия заняла Восточную Пруссию, тем самым вплотную подойдя к реализации одной из своих целей в войне. Еще в 1757 г. русский двор

⁴⁴ *Browning R.* Op. cit., p. 329, 353–354.

⁴⁵ *Stellner F.* Rusko a Střední Evropa v 18. století. I. díl. Praha, 2009, S. 117.

⁴⁶ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе. — СИРИО, т. 136. СПб., 1912, с. 33.

добился от Марии Терезии устного согласия на переход к России Восточной Пруссии по итогам войны, а в 1760 г. Мария Терезия согласилась гарантировать это и в двустороннем договоре.

В августе 1759 г. русский фельдмаршал граф П.С. Салтыков в сражении под Кунерсдорфом полностью разгромил войска Фридриха II, а в 1760 г. русский корпус на время захватил прусскую столицу Берлин. Перед Петербургом открылись перспективы превратиться в вершителя судеб Европы, главного участника послевоенного мирного конгресса. Вместе с осознанием этого факта выросли и притязания русского правительства.

Было решено отказаться от бестужевских планов войны за чужой счет, чему способствовал арест канцлера в феврале 1758 г. и последующая ссылка его по обвинению в узурпации власти императрицы.

Насколько можно судить, первым идею закрепить за Россией равноправное участие в войне предложил российский поверенный в делах во Франции Ф.Д. Бехтеев в донесении вице-канцлеру Воронцову (бывшему его патроном и политическим оппонентом Бестужева-Рюмина) от 25 мая 1757 г. Бехтеев писал, что цель России в войне — присоединение Курляндии в обмен на Восточную Пруссию встретит на будущих мирных переговорах ожидаемое препятствие в виде возражения, что в войне Петербург участвовал как вспомогательная держава, оказывающая помощь исключительно в силу договоренностей с подвергшимися прусской агрессии Саксонией и Австрией. Бехтеев писал: «России, для надежнейшего достижения своего вида при нынешней войне», надобно, чтоб она «при добрых успехах оружия сама объявила войну королю прусскому, к чему суть законные причины»⁴⁷.

Объявлять войну постфактум было уже бессмысленно, но и без такого заявления сам Фридрих II, как и англичане, считали Россию полноценным участником войны. 23 октября 1759 г. английский посланник в Петербурге Роберт Кейт в конференции с российским канцлером Воронцовым сделал устное предложение заключить мир между Пруссией и Англией с одной стороны, и Россией — с другой, заверяя, «что не только его двор, но и король прусский прежнее доброе согласие с нами восстановить желает»⁴⁸. Англичане планировали заключить договор отдельно от других участников антипрусской коалиции. Российское правительство ответило отказом проводить переговоры без своих союзников. Тогда в следующем месяце, 24 ноября 1759 г. Р. Кейт вручил в Петербурге письменное англо-прусское предложение к своим противникам в войне о начале мирных переговоров — первое предложение такого рода в этой европейской войне.

На следующий день после сообщения Кейта, 25 ноября, аналогичное предложение русскому и австрийскому послам в Гааге сделал голландский фельдмаршал принц Людвиг Брауншвейг-Вольфенбюттельский, в качестве посредника зачитав письма от английского госсекретаря графа Холдернесса и прусского посланника в Лондоне барона Книппхаузена.

Антипрусская коалиция ответила согласием, выдвинув условие приглашения за стол переговоров и второстепенных своих союзников — Швецию и Саксонию (Август III не мог распоряжаться в Саксонии, оккупированной пруссаками, но небольшие саксонские части участвовали в войне в австрийской и французской армиях). Нейтральная Голландия предложила враждующим странам снова выбрать местом будущего конгресса город Бреду, французы называли Аугсбург, имевший в германских землях права вольного города, англичане — Любек или Гамбург, а русские (по предложению польско-саксонского двора) — саксонский Лейпциг, но против Лейпцига выступил контролировавший этот город Фридрих II. Канцлер Воронцов на полях этого

⁴⁷ Письма Ф.Д. Бехтеева к вице-канцлеру графу М.Л. Воронцову. — Архив князя Воронцова, кн. 3. М., 1871, с. 281.

⁴⁸ АВПРИ, ф. 35. Сношения России с Англией, оп. 1. 1759 г., д. 806, л. 115.

сообщения отметил, что Россия согласна и на Аугсбург, если его кандидатура устроит всех⁴⁹.

Дальше державы, участвующие в войне, в 1760 г. не продвинулись — ни одна из сторон еще не получила решающего преимущества, и коалиции надеялись сокрушить противника в кампании этого года. Но она тоже не принесла никому решающей победы, и поздней осенью военные ушли на зимние квартиры, а дипломаты открыли двери своих кабинетов для коллег из других стран.

В декабре 1760 г. французское правительство, из-за постоянных неудач в колониях и в Западной Германии стремившееся как можно быстрее завершить войну, обратилось к союзникам с предложением поторопиться с заключением мира и ради этого отказаться от требований территориальных компенсаций, оставив это право только за подвергшимися агрессии Саксонией и Австрией. В Вене канцлер граф В.А. фон Кауниц-Ритберг, рассмотрев обращение Версаля, признавая, что австрийские финансы близки к исчерпанию, предложил Марии Терезии умерить требования и, в крайнем случае, отказавшись от требования возвращения Силезии, согласиться на возвращение только небольшого, но стратегически важного графства Глац⁵⁰.

Французы выступили и против идеи общего конгресса, утверждая, что он только затянет столь нужный им мир. Франция в феврале 1761 г. через посланника в Петербурге Луи Огюста Ле Тоннелье, барона де Бретейля предложила сообщить в совместной союзнической декларации, что Англии и Пруссии предлагается созыв одновременно двух конгрессов, в Лондоне и Париже. Версаль вообще планировал, что представители стран антипрусской коалиции будут встречаться только друг с другом, а прямые переговоры между собой будут проводить исключительно французы и англичане, которых их союзники на это уполномочат.

В Петербурге особо не возражали, согласились на два конгресса, только просили кандидатуру Аугсбурга как место объединенного конгресса предложить англо-прусскому блоку первой, а следом написать уже о двух⁵¹. Хотя, конечно, и для самой Елизаветы Петровны, по сообщениям французского посланника барона де Бретейля, была лестной мысль оказаться первым российским монархом, который будет участником общеевропейского конгресса, решающего будущие судьбы континента⁵².

Австрия же выступила против французских планов более конкретно. Вену категорически не устраивало предложение двух конгрессов вместо одного. Австрийцы заявили, что в Париже заключение мира также может затянуться, как и на общем конгрессе, и нет смысла союзникам ехать во французскую столицу. Вена ведет против Пруссии свою собственную войну и тоже должна проводить переговоры с противником⁵³.

Столкнувшись с твердостью Вены, Людовик XV был вынужден пойти на уступки и согласиться на общий конгресс в Аугсбурге. Ответная декларация Австрии, России и Франции с предложением англичанам и пруссакам провести переговоры в Аугсбурге 8 апреля 1761 г. была отправлена главой французской дипломатии герцогом де Шуазелем в Лондон, к российскому посланнику в Англии князю А.М. Голицыну для вручения английскому министерству.

В Лондоне еще 24 марта 1761 г. А.М. Голицын (единственный дипломатический представитель антипрусской коалиции в странах из противоположного блока) отправил реляцию в Петербург с изложением предварительных переговоров с англичанами

⁴⁹ Там же, ф. 93. Сношения России с Францией, оп. 1. 1760 г., д. 5, л. 48об.

⁵⁰ Szabo F. The Seven Years War in Europe 1756–1763. London, 2008, p. 324–325. Владение Глацем позволяло австрийцам держать прусскую Силезию под постоянной угрозой беспрепятственного вторжения.

⁵¹ АВПРИ, ф. 93. Сношения России с Францией, оп. 1. 1761 г., д. 6а, л. 73–73об.

⁵² Oliva L.J. Misalliance. A Study of French Policy in Russia during the Seven Years War. New York, 1964, p. 177–183.

⁵³ АВПРИ, ф. 32. Сношения России с Австрией, оп. 1. 1761 г., д. 17а, л. 120–123.

и пруссаками о месте проведения конгресса. По словам Голицына, они не соглашались на Аугсбург, но посланник убедил их, что выбор другого места потребует длительной переписки европейских дворов со своими дипломатами, и это затянет столь нужное Европе скорое наступление мира. На конференции у нового английского государственного секретаря Северного департамента Джона Стюарта, графа Бьюта Голицын и, от имени Фридриха II, прусские посланники в Лондоне барон Книпхаузен и Л. Мишель одобрили точку зрения русского дипломата и согласились на назначение Аугсбурга местом общего конгресса⁵⁴.

Участники войны торопились, и было решено, что конгресс соберется в Аугсбурге в июле текущего года. Это означало, что тем, кто рассчитывал усилить свои позиции на конгрессе, было необходимо добиться побед до начала зимы 1761/1762 гг.

Франция же, отчаянно желая мира, решила начать свои отдельные переговоры о мире с англичанами для завершения своей войны в колониях. Англо-французская война началась раньше войны в Германии, и согласие союзников ни французам, ни англичанам получать не требовалось. При этом посредником на переговорах, проходивших между прибывшим в Лондон французским посланником Франсуа де Бюсси и английским министерством, был российский посланник князь А.М. Голицын. Англо-французские переговоры окончились безрезультатно в сентябре 1761 г. из-за неуступчивости англичан.

К началу лета 1761 г. Петербург определился со своими представителями на созываемом в Аугсбурге конгрессе. Главой русской делегации был назначен курляндец граф Герман Карл фон Кейзерлинг, освобождаемый по такому случаю от обязанностей российского посла при австрийском дворе, главный специалист по германским делам и самый опытный российский дипломат того времени. Его помощником на конгресс назначался граф Иван Григорьевич Чернышев (младший брат российского посланника в Париже Петра Чернышева и одного из самых известных генералов Семилетней войны Захара Чернышева), доверенное лицо императрицы, придворный, имевший опыт жизни за границей и выполнения особых поручений Елизаветы Петровны при иностранных дворах и на государственной службе в России.

8 июня 1761 г. Кейзерлингу и И.Г. Чернышеву была отправлена инструкция для работы на будущем Аугсбургском конгрессе. Императрица велела составить ее еще 23 апреля того же года, и 19 мая проект инструкции был готов⁵⁵. В инструкции дипломатам сообщалось, что все дворы желают мира и уверены, что военная кампания текущего года будет последней в войне, и что «мир почитается от всех весьма близким»⁵⁶.

В кратком обзоре международную ситуацию Петербург писал о том, что Фридрих II потерял только Восточную Пруссию, но удержал за собой захваченную Саксонию. Англия полностью победила французам в колониях, и теперь думает только о том, чем из завоеваний она может пожертвовать ради союзной Пруссии. Потерявшая колонии и неудачно действующая против пруссаков Франция готова на любой незамедлительный мир. От Франции зависит и позиция Швеции. Австрия по-прежнему тверда и рассчитывает на военные успехи своей армии.

Далее дипломаты инструктировались о своих действиях по защите интересов России на мирных переговорах. Главной задачей для них являлось обеспечение перехода к России Восточной Пруссии. Помимо очевидного сопротивления этому Фридриха II, Петербург опасался и противодействия союзной Франции, которая считала, что Россия должна отказаться от каких-либо приобретений.

Дипломатам сообщалось, что еще в 1759 г. Версаль обещал Петербургу поддержать решение о вознаграждении России за убытки в войне, о котором она договорится с Австрией. Нынешняя изменившаяся позиция французам, хоть и имеет сейчас

⁵⁴ Там же, ф. 35. Сношения России с Англией, оп. 1. 1761 г., д. 819, л. 143об — 144.

⁵⁵ Там же, ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 1. 1754—1763 гг., д. 29. Доклады по делам внешним и внутренним, л. 49.

⁵⁶ Там же, ф. 32. Сношения России с Австрией, оп. 1. 1761 г., д. 9, л. 9.

военные резоны (отсутствие военных успехов союзников и занятие ими, помимо Восточной Пруссии, только Глаца с сохранением прусской оккупации Саксонии и удерживания пруссаками Силезии), однако с ожидаемыми успехами в кампанию нынешнего, 1761 г., она может быть легко оспорена. Но сделать это можно было только при содействии австрийцев, с которыми русским дипломатам следовало тесно сотрудничать и перед французами особо поддерживать австрийские требования возвращения им всей Силезии.

Послам сообщалось, что 2 февраля 1761 г. Петербург действительно вручил французскому послу в России маркизу де Л'Опиталю ноту, в которой сообщил, «что мы не удалены будем и отступить от притязаний наших на Пруссию (Восточную. — М.А.), естли можем тем удобрить мирные кондиции для наших союзников»⁵⁷. Но эта декларация «отнюдь не обязывает нас отступить от сего притязания, ибо, во-первых, все, что тамо ни сказано, препровождено точною кондициею, естли бы мир мог состояться еще минувшей зимою (подчеркнуто в документе. — М.А.)», а во-вторых, французы так и не ответили на вопрос декларации о том, какую же компенсацию вместо Восточной Пруссии получит Россия по итогам мира.

Если же противник и даже французы при начале конгресса будут упорствовать в обсуждении планов присоединения к России Восточной Пруссии, то Кейзерлингу и И.Г. Чернышеву «надлежит ему чувствовать дать, что без того мира нет»⁵⁸. Иностранным делегатам на конгрессе русским представителям следует заметить, что если они действительно желают Европе мира, «то за [Восточной] Пруссией не остановится мирное дело»⁵⁹. Если же Франция согласится быстро вести дело к миру, оставляя интересы союзников в стороне, то русским дипломатам следует ответить на это, «что и вы не приехали торговаться, и первое ваше предложение будет и самое последнее»⁶⁰, тем более что Россия уже завоевала и облагодетельствовала предмет своих притязаний.

Как явствует из секретной инструкции, Россия планировала на Аугсбургском конгрессе поставить вопрос об удержании за собой Восточной Пруссии в качестве своего основного требования.

На дипломатическом языке обсуждение на мирных переговорах перехода Восточной Пруссии к России называется «условие *sine qua non*», т.е. такое условие российской стороны, без которого невозможен мир. Это не означало неременное согласие иностранных государств на присоединение провинции к России, но без их согласия на сам факт обсуждения этого вопроса русские дипломаты не должны были начинать переговоры о мире.

Для того чтобы позиция России другим участникам конгресса виделась более гибкой, Кейзерлингу и Чернышеву следовало показать готовность к компромиссам следующим образом: в кулуарах заседаний они должны были бы сказать европейским дипломатам, что если другие страны сами заявят, что Россия имеет право на приобретения и сами назовут их, то и Петербург будет согласен пойти на уступки и пожертвовать чем-нибудь из своих притязаний. Если же стороны решат заключить мир без участия России, то Петербург оставляет за собой полную свободу действий в занятой русскими войсками Восточной Пруссии.

В случае если союзные Франция и Австрия заявят, что компенсируют потери России в войне за счет своих субсидий, русским дипломатам следовало сообщить в ответ, что они не сомневаются в дружеских чувствах союзников, но не хотят вводить их в лишние тяготы, и планируют получить удовлетворение от неприятеля. В данном условии интересно то, что Петербург решил окончательно порвать со статусом «наемной державы», который во время прошлой европейской войны — войны за Австрийское наследство — не позволил ему стать участником мирного конгресса в Ахене в 1748 г.

⁵⁷ Там же, ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 1. 1754—1763 гг., д. 29, л. 74.

⁵⁸ Там же, ф. 32. Сношения России с Австрией, оп. 1. 1761 г., д. 9, л. 14.

⁵⁹ Там же, л. 14об.

⁶⁰ Там же, л. 16.

Теперь Россия должна была участвовать в мирном конгрессе на абсолютно равных правах с другими европейскими державами.

Следующая часть инструкции касалась работы самой делегации. Кейзерлингу и Чернышеву сообщалось, что им предоставляются полномочия как министров, так и послов, которые, в зависимости от обстоятельств, им следовало предъявить на конгрессе. Через некоторое время державы условились о том, что на время переговоров дипломаты будут использовать полномочия министров, а полномочия послов примут на себя только перед подписанием мира⁶¹.

Последняя часть инструкции сообщала о запасных позициях на случай категорического отказа европейских держав передать России Восточную Пруссию. В этом случае Россия потребует от Фридриха II выплаты 12 млн талеров (талаер примерно равен российскому серебряному рублю), а до окончательной расплаты продолжит удерживать Восточную Пруссию за собой.

Если и этого требования не удастся добиться, то следовало поставить вопрос о выплате прусским королем 1 млн червонных (в то время примерно 1,5–2 млн рублей серебром) с одновременной уступкой им России Эльбингского, Драгимского, Бютовского и Лауэнбургского уездов (район верховьев Вислы), чтобы о дальнейшей судьбе этих уездов Петербург мог «трактовать с Республикою Польскою»⁶². При этом на требованиях уездов следовало «крепко настоять»⁶³, так как Фридрих II владеет ими временно, а законный сюзерен этих территорий — Польша, кому Петербург и планирует потом передать уезды по окончании переговоров о границах Речи Посполитой с Россией.

В случае необходимости можно было бы отказаться от выплаты 1 млн червонных, удовлетворившись передачей русским драгоценностей польской короны, полученных в заклад за Эльбингский округ.

Последним рубежом русской дипломатии на конгрессе в Аугсбурге, если бы Европа воспротивилась вообще каким-либо территориальным приращениям России, было требование уплаты пруссаками 2 млн червонных и право на занятие русскими портовых прусских городов Пиллау и Мемеля вплоть до выплаты этой суммы. Эта позиция была «ультиматумом», т.е. крайним категорическим условием подписания Россией мира⁶⁴.

В качестве дополнения к инструкции Кейзерлингу и Чернышеву отправлялся главный аргумент Петербурга на признание его полноправного статуса в войне — декларация Фридриха II, в которой тот признавал, что Россия «вступает в войну», и русский ответ на нее, хотя в нем и утверждалось, что Россия в войне «помощная сторона», и что она, вступая в войну, «не искала в том своей корысти»⁶⁵.

Судя по инструкции, Россия в 1761 г. вполне осознавала свою силу, и планировала решительно отстаивать свои интересы, не останавливаясь и перед отказом от подписания мира, если ее интересы не будут обеспечены. Главным условием Петербурга на участие в мирных переговорах являлось признание европейскими державами самого факта правомерности его притязаний на Восточную Пруссию. В дальнейшем, в ходе переговоров по этому вопросу, Петербург был согласен пойти на уступки в случае невозможности отстоять свои требования вплоть до отказа от каких-либо территориальных приобретений, останавливаясь лишь на выплате Пруссией контрибуции.

Россия имела намерение решить на Аугсбургском конгрессе и еще один важный для нее вопрос. В бытность российским послом в Вене граф Г.К. Кейзерлинг, лютеранин и враг католичества⁶⁶, сообщая о безуспешности его дипломатической защиты

⁶¹ Там же, л. 102–103.

⁶² Там же, л. 41. Территории этих польских уездов находились в залоге у прусской стороны.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, л. 42.

⁶⁵ Там же, л. 108об.

⁶⁶ *Анисимов М. Ю.* Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014, с. 78, 141, 276–277.

прав православных в Австрии (сербов и валахов), предложил Петербургу поднять вопрос о правах православного населения на территории государств Священной Римской империи на послевоенном мирном конгрессе. По его мнению, следует настоять на необходимости возвращения православным в Австрии отнятых у них католиками и униатами храмов и монастырей и сохранения прежних выданных им австрийскими властями привилегий о свободе исповедания православной веры и внести такой пункт в текст общего мирного договора. По мысли Кейзерлинга, этот пункт должны были бы гарантировать все участники подписания европейского мира. Кроме того, все последующие союзные договоры России с другими странами содержали бы обязательства помогать в исполнении этого пункта общеевропейского мирного договора⁶⁷.

Петербург одобрил предложение дипломата и стал ожидать мирного конгресса. Когда Кейзерлинг получил известие о назначении его главой российской делегации на мирный конгресс в Аугсбурге, еще не имея инструкций, он сам напомнил канцлеру Воронцову о своем предложении обеспечения прав православных в Австрии и предложил конкретные меры для этого: в 7-й статье Вестфальского мира 1648 г. было указано, что иной веры, кроме католической, лютеранской и реформатской (кальвинистской) в германских государствах не быть. Кейзерлинг предложил внести в эту статью и православие, т.е. «изъяснить так, чтоб свободное и беспрепятственное отправление греческой веры в Германии не исключать», если и Россия приглашается быть гарантом будущего мира в Европе⁶⁸.

Сделал курляндец это вовремя, так как ему 8 июня 1761 г. уже была отправлена упомянутая выше инструкция для работы на конгрессе, где это положение отсутствовало — Петербург был поглощен мыслями о том, как лучше защитить на конгрессе свои права на присоединение Восточной Пруссии. Поэтому в качестве дополнения к инструкции рескриптом 19 октября того же года Кейзерлингу выражалась благодарность за защиту православных и предложение изменения 7-й статьи Вестфальского мира в их пользу, и сообщалось, что в случае отсутствия таких изменений он может сообщить европейским дипломатам, что в таком случае Россия не будет гарантом мира⁶⁹.

У России появлялся шанс укрепления своего влияния как в Австрии, так и на Балканах в целом. Сам Кейзерлинг писал, что поскольку австрийские сербы имеют постоянные тесные контакты со своими собратьями по вере в Турции, то и те будут возлагать свои надежды на Россию, «чрез сие самое российская знатность и партия как здесь, так и в отдаленнейших местах умножаться станет»⁷⁰.

Французский дипломат Ж.-Л. Фавье, бывший секретарь французского посольства в Петербурге в 1761 г., резюмировал свои выводы о намерениях России на будущих мирных переговорах в аналитической записке для внешнеполитического руководства Франции. Фавье считал, что у России на мирном конгрессе будет три условия: 1) присоединение Восточной Пруссии; 2) удовлетворение и вознаграждение своим союзникам, и 3) «еще не провозглашается открыто, но он, тем не менее, существует и близок сердцу русского министерства. Россия намерена явиться в предстоящих переговорах не только участницей, но распорядительницей и поручительницей в том, что все, что порешат насчет Германской империи, непременно будет исполнено. Таким образом, она будет допущена до соучастия с Францией и Швецией в гарантировании новой германской системы, или старой, если та в предстоящих переговорах не подвергнется радикальным изменениям. Вестфальский мир по-прежнему останется основанием этой системы, но Россия с той минуты заодно с Францией и Швецией сделает охранительницей его. [...] До сих пор Россия не участвовала ни в одном из общих конгрессов, которыми оканчивались большие европейские войны. Ныне же русский

⁶⁷ АВПРИ, ф. 32. Сношения России с Австрией, оп. 1. 1758 г., д. 7а, л. 210об.

⁶⁸ Там же, 1761 г., д. 6, л. 308—310об.

⁶⁹ Там же, д. 9, л. 229.

⁷⁰ Там же, 1758 г., д. 7а, л. 211.

двор поставил для себя вопросом чести достигнуть того, чтобы играть одну из первых ролей в предстоящем конгрессе, а главное — приобрести в Германском союзе столь желанное право покровительства и власти под именем гарантии»⁷¹. Фавье оценивал позиции России на будущем мирном конгрессе как очень сильные и считал, что Петербург, скорее всего, добьётся своего⁷².

Однако созыв конгресса в Аугсбурге все откладывался. Противоборствующие стороны никак не могли сойтись на том, кто же будет его участником. При принятии решения о созыве конгресса стороны сразу условились, что на нем не будут присутствовать страны, не участвовавшие в войне. Было решено, что помимо Англии, Пруссии, Австрии, России и Франции в Аугсбург прибудут представители Швеции и Саксонии, которые тоже являются участниками одной из противостоящих коалиций.

Возник вопрос о том, будут ли представлены на конгрессе мелкие германские государства, либо отправившие свои контингенты в имперскую армию, сформированную по решению рейхстага для наказания Фридриха II как нарушителя мира в Священной Римской империи, либо поддерживавшие англичан и пруссаков, в том числе и за английские субсидии. Антипрусская коалиция предложила англичанам взять на себя представление на конгрессе интересов их германских союзников, но те уклонились от ответа. Тогда Австрия, Россия и Франция условились о том, что если англичане будут настаивать на присутствии на переговорах своих союзников, то и антипрусская коалиция пригласит на них всех германских участников войны с Пруссией.

Камнем преткновения сторон стал вопрос о присутствии на конгрессе представителей германского императора Франца I, мужа Марии Терезии. В начале августа 1761 г. австрийский посол в Париже граф Штаремберг поставил союзных дипломатов в известность о желании своего двора обеспечить присутствие на конгрессе в Аугсбурге представителей Франца I. Австрийцы обосновывали такое требование тем, что Империя также является участником войны, так как по решению общегерманского рейхстага против Пруссии, как нарушителя мира в Германии, была сформирована армия, участвовавшая в войне против Фридриха II. Российский посол в Париже П.Г. Чернышев, которому Штаремберг сообщил о мнении Вены, высказал сожаление о том, что такое требование не было ранее сразу внесено союзниками в ответную декларацию о принятии предложений Англии и Пруссии о начале мирных переговоров, теперь же англичане и пруссаки могут воспринять выдвижение нового требования как намеренную затяжку переговоров антипрусской коалицией⁷³.

Штаремберг настоял на обсуждении нового условия своего двора на конференции союзных дипломатов, о которой Чернышев сообщил в Петербург в реляции от 5(16) августа. На этой конференции французский госсекретарь по иностранным делам герцог де Шуазель также заявил о несвоевременности выдвижения такого требования от коалиции, с ним согласился и граф П.Г. Чернышев, и шведский посланник в Париже барон У. Шефер. Штаремберг, оказавшись в одиночестве, продолжал упрямо настаивать на своем предложении отправить русскому посланнику в Лондоне князю А.М. Голицыну письмо от союзных дворов с заявлением о том, что паспорта для проезда английских и прусских дипломатов на конгресс в Аугсбурге будут выписаны только после того, как Лондон и Берлин согласятся на присутствие на переговорах представителей Франца I. Видя невозможность убедить союзников в необходимости такого заявления, граф Штаремберг в итоге признался, что таково было требование его двора, и что письмо, к отправке которого он склонял союзников, уже отправлено им Голицыну в Лондон.

Общее изумление дипломатов высказал Шуазель, удивленно задав риторический вопрос — зачем же тогда австрийский посол созывал всех на эту конференцию? Штаремберг молчал. Повернувшись к Чернышеву, французский министр спросил его, что

⁷¹ Русский двор в 1761 г. — Русская старина, 1878 г., № 10, с. 202.

⁷² Там же, с. 203–206.

⁷³ АВПРИ, ф. 93. Сношения России с Францией, оп. 1. 1761 г., д. 4, ч. 2, л. 412об.

же теперь им всем делать? Русский посол ответил, что теперь не остается иного выхода, кроме союзной поддержки этого письма Штаремберга, о чем нужно и сообщить посланнику Голицыну в Лондон⁷⁴. Предложение Чернышева было принято союзниками, а все его действия на конференции с союзными дипломатами получили одобрение канцлера Воронцова.

Англичане и пруссаки отказались допускать Франца I на переговоры, уверяя, что они войну с ним не ведут, как не ведут войну со Священной Римской империей в целом. Австрийцы же утверждали, что Фридрих II, как курфюрст бранденбургский, вступил во внутреннюю войну с императором, который является главой Империи, организовавшей армию против нарушителя мира в Германии и, если Империя предоставит ему соответствующие полномочия, император Франц I официально может представлять ее на переговорах⁷⁵. Имперский рейхстаг, действительно, к началу осени дал императору такие полномочия. Однако Фридрих II стал уговаривать протестантские княжества отозвать свой голос. В этом случае, если бы все германские протестантские государства выступили совместно, работа рейхстага блокировалась, и тогда император лишился бы полномочий представлять Империю. И.Г. Чернышев, вернувшийся из Аугсбурга в Вену ожидать приезда на конгресс представителей других держав, 28 июля (8 августа) 1761 г. доносил в Петербург, что он не ожидает скорого начала конгресса, так как вопрос о присутствии императора далек от разрешения.

Русские и французы предложили, в случае, если англичане и пруссаки по-прежнему будут противиться приглашению императора на конгресс в Аугсбурге, отложить вопрос о допуске императора до начала самого конгресса. Австрийцы ответили, что вопрос об императоре нужно решить до начала конгресса, так как в ином случае отсутствие у императора приглашения на конгресс при его начале будет оскорблением для Франца I⁷⁶. До начала 1762 г. вопрос о присутствии императора на созываемом конгрессе так и не был решен.

Ультиматум Вены об отправке паспортов английским и прусским дипломатам для проезда в Аугсбург только после согласия Берлина и Лондона на присутствие на переговорах наравне с воюющими государствами германского императора был фатальной ошибкой Австрии. Именно из-за этого требования конгресс в Аугсбурге так и не состоялся до начала 1762 г.

Пока шли переговоры о правах императора, И.Г. Чернышеву, пребывавшему в австрийской столице, можно было упрочить свои позиции на будущих переговорах, убедив союзников поддерживать российские интересы, заключавшиеся в требовании закрепления за Петербургом Восточной Пруссии. Чернышев разговаривал с Кауницем и, несмотря на нежелание австрийского канцлера высказываться, все же добился от него фразы о том, что Австрия поддержит требования союзника⁷⁷.

3(14) октября И.Г. Чернышев сообщил о своем разговоре с Кауницем относительно конгресса в Аугсбурге. Русский дипломат предложил собраться в Аугсбурге хотя бы одним союзникам по антипрусской коалиции. Австрийский канцлер ответил ему, что торопиться с этим не надо — Англия и Франция только что безрезультатно завершили свои переговоры о прекращении войны в колониях, и время для начала конгресса неблагоприятно; кроме того, по-прежнему не решен вопрос о присутствии императора за столом переговоров⁷⁸. О том, что конгресс «не скоро начнется», сообщал канцлеру Воронцову и Кейзерлинг, находившийся недалеко от Аугсбурга в Регенсбурге⁷⁹.

10(21) октября российский посол в Париже П.Г. Чернышев сообщил в реляции о прошедшей встрече с французскими госсекретарем военных и морских дел

⁷⁴ Там же, л. 413об.— 415.

⁷⁵ Там же, ф. 32. Сношения России с Австрией, оп. 1. 1761 г., д. 18, л. 80об.

⁷⁶ Там же, л. 123об.

⁷⁷ Там же, д. 10, л. 46—50об.

⁷⁸ Там же, л. 213—213об.

⁷⁹ Там же, л. 230.

герцогом де Шуазелем и его племянником госсекретарем иностранных дел графом де Шуазелем, на которой он спросил их, как теперь быть с Аугсбургским конгрессом, на который уже стали съезжаться русские дипломаты. Французы ответили, что вблизи Аугсбурга находится не только русский посол Кейзерлинг, но и английский посол лорд Стормонт, тем самым соблюдено равенство сторон. А относительно же созыва конгресса остается только ждать ответа англичан и пруссаков на требование австрийцев о допуске на конгресс представителей императора Священной Римской империи и, кроме того, результатов военной кампании, которая неожиданно стала завершаться крупными успехами антипрусской коалиции⁸⁰ — незадолго до этой конференции в Париж пришли известия о взятии австрийцами сильной силезской крепости Швейдниц, что давало возможность им удержать за собой на зиму половину Силезии, и теперь во Франции ожидали столь же радостных известий от русского корпуса генерала П.А. Румянцева, осаждающего Кольберг, прусскую крепость-порт на Балтике. Кольберг действительно капитулировал 5(16) декабря 1761 г., Румянцев остался на зиму в Прусской Померании, получив для кампании следующего года тыловую базу для русской армии на побережье прусских владений, что резко усиливало позиции на мирных переговорах как антипрусской коалиции в целом, так и России в особенности.

25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) российская императрица Елизавета Петровна скончалась. На престол под именем Петра III вступил ее племянник Пётр Фёдорович, известный всей Европе как поклонник прусского короля Фридриха II. 9 февраля 1762 г. Пётр III разослал своим дипломатам циркулярный рескрипт о выходе России из войны с Пруссией. Все достижения российской дипломатии (как и армии) предшествующих лет были перечеркнуты.

15 марта 1762 г. Пётр III отозвал Кейзерлинга в Россию, чтобы лично увидеться с ним перед назначением курляндца послом в Варшаву⁸¹. 19 марта такой же указ был отправлен и И.Г. Чернышеву, отзываемому в Россию «по несостоятельству назначенного в Аугсбурге мирного конгресса»⁸².

Война продолжилась, так как Фридрих II, получив помощь в виде русского корпуса генерала графа З.Г. Чернышева от своего бывшего главного врага, России, решил ликвидировать преимущества австрийцев в Силезии, что ему и удалось к концу кампании.

28 июня (9 июля) 1762 г. Пётр III был свергнут в Петербурге своей женой Екатериной Алексеевной. Новая императрица встала перед вопросом, как быть с завершающейся в Европе войной. 9 (20) июля 1762 г. русским дипломатам было велено внушать при европейских дворах о желании Петербурга восстановить европейский мир. Втайне же русские посланники должны были добиваться участия представителей России на мирном конгрессе по итогам войны, ибо «интересы и честь наши неотменно требуют, чтобы в том замирении иметь сколь возможно знатное участие»⁸³. Значение участия России в общеевропейском конгрессе понимали и иностранные дипломаты. Австрийский посол в Петербурге граф Ф.К. Мерси д'Аржанто еще при Петре III, комментируя слова канцлера Воронцова о скором открытии мирного конгресса, в мае 1762 г. писал в Вену, что, несмотря на заключение сепаратного мира с Пруссией, Петербург все же не оставил своих планов участвовать в нем: «Легко может обнаружиться, что русское министерство еще не потеряло охоты явиться на нем впервые на общем собрании народов и через то придать больше значения своему государству»⁸⁴.

⁸⁰ Там же, ф. 93. Сношения России с Францией, оп. 1. 1761 г., д. 4, ч. 2, л. 554.

⁸¹ Там же, ф. 32. Сношения России с Австрией, оп. 1. 1761 г., д. 18, л. 6.

⁸² Там же, д. 12, л. 1.

⁸³ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896, с. 109.

⁸⁴ Донесения графа Мерси д'Аржанто императрице Марии Терезии (январь — июль 1762 г.). — СИРИО, т. 18. СПб., 1876, с. 342.

26 июля 1762 г. Екатерина II составила для своих советников записку о внешнеполитических делах из восьми вопросов. 1) Что делать в условиях скорого заключения мира в Европе? 2) Послать ли в Аугсбург на конгресс министров и с какими инструкциями? 3) Надлежит ли сообщать другим державам пропозиции о медиации, которую король прусский мне чрез генерала Чернышева оффрировал⁸⁵? 4) Надлежит ли нашим войскам в Россию повернуться по теперешним обстоятельствам? 5) Имеем ли мы причины, дав слово о содержании мира с королем прусским, оный мир за полезный почитать и в противном случае оный по-своему переделать [...] 6) Надлежит ли возобновительный трактат союзный с венским двором содержать в своей силе или что в нем поправить? 7) Надлежит ли ныне королю прусскому представить, чтоб разоренную Саксонию от войск своих очистил и возвратил в прежнее владение? 8) Не подается ли повод к непринятию здешней медиации тем, что войска в Россию возвращены быть имеют, и не ослабеют ли такие же здешние негоциации на конгрессе?»⁸⁶.

Все советники, включая канцлера Воронцова, вице-канцлера А.М. Голицына (бывшего посланника в Лондоне), возвращенного из ссылки А.П. Бестужева-Рюмина, генерала М.Н. Волконского, сенатора И.И. Неплюева высказались за участие в мирном конгрессе, чтобы быть в числе гарантов европейского мира, и за союз с Австрией.

По формулировке вопросов видно, что в июле 1762 г. идея конгресса в Аугсбурге по-прежнему была в повестке дня в Европе, и что теперь какие-либо планы отставания собственных интересов на европейском конгрессе Петербургом были отставлены, и Екатерину II интересовали лишь вопросы русского посредничества между Австрией и Пруссией.

Екатерининскую дипломатию в этой инициативе ожидаемо ждало чувствительное поражение. Ни Австрии, ни Пруссии никакой дополнительный участник переговоров был не нужен, тем более тот, кто последовательно бросил их в войну. И Вена, и Берлин опасались, что Петербург втайне сочувствует их противнику и будет помогать тому на переговорах. Поэтому в их общих интересах было заключить мир как можно быстрее и скрытно от России. Кроме того, и Австрия, и Франция решили не допускать Россию на переговоры из-за оставления ею союза с ними — участие в мирных переговорах нужно все же заслужить. Как мстительно писал австрийский посол в России граф Мерси д'Аржанто в письме Кауницу 23 декабря 1762 г.: «Ввиду образа мыслей русской государыни и ее ревностного желания ознаменовать начало своего царствования достойным удивления делом, конечно, был бы нанесен ей чувствительный удар, если бы настоящая война пришла бы к концу без соучастия ее в осуществлении столь важного дела»⁸⁷.

Во многом позиция России, когда она вышла из союза с Австрией, заключила союз с Пруссией, затем отказалась от него, и повлияла на желание воюющих сторон обойтись без российского участия в конгрессе. В середине сентября 1762 г. начались переговоры о мире между Францией и Испанией с одной стороны, и Англией и Португалией (Испания и Португалия вступили в войну в 1762 г.) — с другой. 3 ноября во французском замке Фонтенбло был подписан предварительный мир. Окончательный мир между Англией и Францией, названный Парижским, был подписан во французской столице 10 февраля 1763 г.

3 ноября н. ст. был подписан и прелиминарный мир между Пруссией и Францией. 24 ноября — перемирие между Пруссией и Австрией.

30 декабря 1762 г. начались переговоры о мире между Австрией и Пруссией, посредничество на которых, по предложению Марии Терезии, взял на себя Август III⁸⁸.

⁸⁵ От фр. *offrir* — предлагать.

⁸⁶ Вопросы Екатерины II и ответы канцлера графа Воронцова. — Архив князя Воронцова, кн. 25. М., 1882, с. 334—335.

⁸⁷ Донесения графа Мерси д'Аржанто императрице Марии Терезии (июль 1762—1763 гг.). — СИРИО, т. 46. СПб., 1885, с. 299.

⁸⁸ *Bright J.F. Maria Theresa*. London, 1897, p. 183.

Начало их австрийцы и пруссаки скрыли от России, и об установлении мира в Европе в Петербурге узнали уже постфактум, когда в саксонском замке Губертсбург (выбран как нейтральный пункт между занятым пруссаками Лейпцигом и занятым австрийцами Дрезденом) 15 февраля 1763 г. Австрия, Пруссия и Саксония подписали мир, завершивший Семилетнюю войну, по которому стороны восстанавливали довоенный статус-кво.

Заключив мир, его подписанты сообщили Петербургу, что переговоры прошли очень быстро, и у них не было возможности поставить Екатерину II в известность о них. Императрице оставалось только сделать вид, что ей это безразлично и поздравить Австрию и Пруссию с прекращением войны.

Вторая общеевропейская война заканчивалась без участия России на общих мирных переговорах. Участие русского двора на Ахенском конгрессе 1748 г. было для него желательным, но не логичным и не обязательным. Петербург не имел на нем никаких целей, кроме простого попадания в число подписантов. Другое дело — Аугсбургский конгресс, который должен был завершить Семилетнюю войну. Вступая в войну вместе с другими державами Европы, Россия, помимо общих с союзниками целей — сокращение прусского великодержавия, имела собственные цели и намерения, хотя первоначально и пыталась это скрывать. Помимо реальных шансов закрепить за собой Восточную Пруссию, к 1761 г. Петербург, опираясь на силу своей армии и стремление трех других великих держав наладить дружественные отношения с Россией, оказался перед перспективой играть решающую роль в новой европейской системе международных отношений, которая сформировалась бы на Ахенском конгрессе. За 13 лет, прошедших от 1748 до 1761 г., правительство Елизаветы Петровны прошло путь от отказа в допуске на международный конгресс до ведущей роли на нем.

Заявлениями и действиями Петра III, сменившего столь несвоевременно скончавшуюся Елизавету Петровну, Россия похоронила все жертвы и затраты Семилетней войны, все усилия русских дипломатов и победы русского оружия. Австрийский посол в Петербурге граф Мерси д'Аржанто докладывал своему двору о воззрениях Петра III на внешнеполитические дела, которые он высказывал придворным. По словам графа, Пётр III говорил, что «вообще ничего не хочет знать о войне, что настоящую войну он никогда не признавал за полезную и никогда не представлял себе, что она кончится выгодно для русского государства. Он никогда не мог понять, что именно заставляет Россию жертвовать своими деньгами и своим войском только для того, чтобы оторвать одну провинцию от берлинского двора и уступить ее австрийскому дому; что с настоящей минуты он, император, более не имеет врага»⁸⁹. Пётр III, не знавший никаких внешнеполитических интересов России, не понимал и причин русского участия в Семилетней войне. Он отозвал русских представителей, назначенных на Ахенский конгресс, так как ничего не собирался на нем добиваться.

Екатерина II, свергнувшая Петра III, продолжила его политику отказа от союза с Австрией, добавив к этому отказ от союза с Пруссией, заключенного Петром III незадолго до свержения. Этими действиями Россия обесмыслила свое возможное участие в мирном послевоенном конгрессе, так как теперь ей оставалась только роль посредника между воюющими сторонами. Выход России из войны привел к провалу самой идеи общеевропейского конгресса, который так и не состоялся, а переговоры между Австрией и Пруссией их правительства стремились скрыть от России, не доверяя её столь изменчивой позиции и, таким образом, не допустив представителей Екатерины II к решению будущего их отношений. Российскому правительству Екатерины II приходилось начинать с исходных позиций начала правления Елизаветы Петровны.

⁸⁹ Донесения графа Мерси д'Аржанто императрице Марии Терезии (январь — июль 1762 г.). — СИРИО, т. 18, с. 45.